

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 338

«Ценность» как требование к качеству современного политического исследования (Часть первая)

Н. И. Шестов

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, nikshestov@mail.ru

Статья представляет собой первую часть исследования, посвященного выяснению целесообразности использования в экспертизе научного качества диссертаций и публикаций по политологии такого критерия, как «ценность научного исследования». Автор анализирует причины, по которым сегодня в российском научно-экспертном сообществе возник интерес к использованию этого критерия. В публикации выявлены ключевые проблемы с наполнением понятий «ценность» и «оценка» таким смыслом, который соответствовал бы современным задачам научной экспертизы диссертаций, монографий и статей политологов. В статье прослежена связь этих проблем с тем выбором в пользу того или иного подхода к осуществлению научной экспертизы политологических текстов своих коллег, который наиболее часто сегодня делают российские эксперты-политологи.

Ключевые слова: научная экспертиза, критерии качества научного исследования, ценность научного исследования.

“Value” as a Prerequisite for the Quality of Modern Political Research (Part One)

N. I. Shestov

Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, Saratov State University, 83 Astrakhan-skaya St., Saratov 410012, Russia, nikshestov@mail.ru

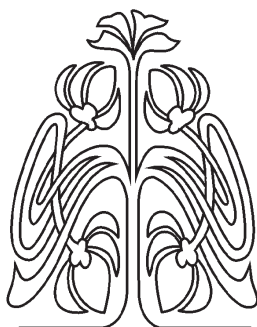
The article is the first part of the study aiming at specifying expediency of using the “scholarly research value” criterion while assessing political science dissertations and other papers. The author analyzes reasons why this criterion is of high interest among Russian scholars and experts nowadays. Key problems of filling the notions “value” and “evaluation” with the meaning corresponding to actual goals of political science dissertations, monographs, and articles’ analysis are pinpointed. The author shows these problems’ relation to the choice in favor of an approach to scholarly expertise of texts Russian scholars and experts typically make.

Keywords: scholarly expertise, criteria of scholarly research quality, value of scholarly research.

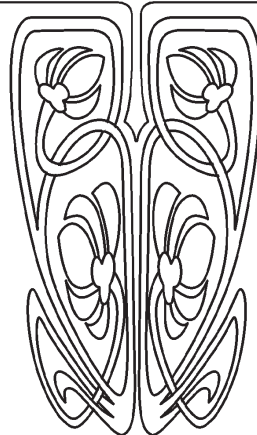
DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-52-58>

Современные требования к научной экспертизе. О понятиях

Тех, кто производит и потребляет научную продукцию (научные сообщества, граждане, элиты), объединяет интерес к ее качеству. Сегодня эта общность интереса хорошо заметна в свете той большой роли, которую в современном мире научное знание играет в поддержке и развитии многих личных, социальных и государственных практик. Воплощением этого интереса, его специфики и тенденций к изменению являются формальные и неформальные требования к научным исследованиям, к их содержанию и оформлению. Это требования и со стороны государственных институтов, ведающих организацией научного процесса в масштабах страны, и со стороны общественных институтов, берущих на себя функцию научной экспертизы. Это требования самой научной корпорации к качеству трудов своих

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

членов, возникающие в ответ на запросы со стороны государства и общества.

Требования эти обычно системны, в них обнаруживается определенная внутренняя логика. В условиях современной России она выглядит примерно так: «Чем выше будет уровень ответственности эксперта, тем строже станут его требования к автору научного труда; чем более автор научного исследования будет стараться заранее соответствовать в своих мыслях и действиях строгим требованиям экспертизы, тем выше будет качество конечного результата его творческих усилий».

В таком порядке рассуждения есть разумное начало. Действительно, понимание исследователями конкретной меры и конкретных форм своей ответственности перед обществом и коллегами по профессии еще нигде и никому из них не повредило. Есть вместе с тем в этом порядке рассуждения уязвимое звено. Аргумент предполагается, что все те требования, которые эксперт предъявляет автору научного исследования, а автор, с подачи эксперта, предъявляет себе, в равной мере понятны им на ту глубину, при которой реализация этих требований становится для них нормальной рутинной повседневной профессиональной деятельностью. Иначе говоря, реализация данных требований в рамках конкретного научного исследования не создает дополнительных трудностей как для творчества самого исследователя, так и для работы эксперта. Они дружно, делая каждый свою работу, могут шаг за шагом поднимать качество российских научных исследований все выше и выше.

На деле ситуация выглядит не так гармонично. В последние годы в перечне требований к качеству конечного продукта, предъявляемых исследователям и экспертам со стороны заинтересованных государственных и общественных структур, появилось новое. Это требование к автору научного исследования, чтобы оно было «ценным», и к эксперту, чтобы тот упомянутое научное исследование не просто рецензировал бы, а «оценивал». Требование внешне простое и разумное. Тем более что сами по себе понятия «ценность научного знания», «оценка труда ученого», «неоценимый вклад в теорию и практику» и т. д. давно являются частью публичного и научного дискурсов в нашей стране. Проблема в другом. До недавнего времени понятие «ценность» использовалось участниками научных и публичных коммуникаций для характеристики эксклюзивных, превышающих обычный уровень наших ожиданий от науки свойств знания, добытого учеными. Оно служило дискурсивным маркером рубежа, до которого наука выступает перед обществом в облике повседневной социальной практики, связанной с систематическим производством научной продукции, а после которого уже становится искусством и способна создавать шедевры знания.

Сегодня в научном дискурсе понятие «ценность» стало маркером требований уже не к отдельным шедеврам научного творчества. Оно стало стандартным требованием в ряду других стандартных требований к качеству научной продукции как таковой; обязательной характеристикой вообще всего, что любой ученый, независимо от его квалификации и сферы деятельности, думает, решает, пишет. Вместе с тем в качестве инструмента экспертизы требование к труду ученого быть «ценным» не приобрело сегодня того уровня понятности, при котором можно было бы ожидать быстрой позитивной отдачи от его реализации авторами научных текстов и экспертами. Теоретический и практический смысл данного требования представляет собой в настоящий момент скорее предмет для дискуссии в профессиональном сообществе, чем руководство к непосредственному действию. Особенно если результатом этого действия должно стать более высокое качество научной продукции и ее экспертизы. Анализ условий, делающих реализацию данного требования необходимой, но трудновыполнимой в настоящий момент задачей, посвящена настоящая публикация.

В педагогике существует правило: требования наставника к своему подопечному должны быть обоснованными и разумными. Иначе говоря, прежде чем чего-то требовать от подопечного, наставник должен заранее просчитать свои и подопечного интересы и возможности, порядок и меру реализуемости своих требований, а также возможные последствия невыполнения этих требований подопечным. В противном случае коммуникация наставника с подопечным превращается в произвол.

Правило это вполне, как мне кажется, приложимо и к практике научной экспертизы. Добросовестный эксперт в каком-то смысле тоже выступает по отношению к автору рецензируемого труда в роли наставника, в задачу которого входит не только указать на недостатки в позиции исследователя, а еще и предложить способ эти недостатки исправить. Именно в своевременном исправлении исследователем недостатков, обнаруженных экспертом в его научном тексте, и заключается, наверное, фундаментальный смысл научной экспертизы как технологии контроля и повышения качества научной продукции.

Соблюдение этого правила требует, чтобы эксперт, который, например, изучает диссертацию начинающего политолога на предмет обнаружения в ней чего-либо «ценного», наряду с «актуальным», «новым», «достоверным», а также «теоретически и практически значимым», сам бы имел четкое представление о том, что именно он в этой диссертации ищет и готов назвать «ценным». Он как минимум должен в известной ситуации смочь внятно объяснить соискателю ученой степени те собственные представления о смысле понятия «ценность», руководствуясь ко-

торами, он счел результаты творческих усилий диссертанта «ценными», а возможно, и «бесценными».

Объяснение должно быть настолько внятным, чтобы оно не создавало почвы для профессионального, а хуже того – личного конфликта автора научного текста с экспертом, а у государственных и общественных структур, контролирующих процесс аттестации научных кадров, не возникало бы претензий к компетентности их обоих.

Что именно эксперт должен найти в научном тексте такого, что однозначно свидетельствовало бы в пользу «ценности» этого текста? Варианты могут быть очень разными. Эксперт может, например, руководствоваться тем соображением, что свидетельством «ценности» научного текста является присутствие в нем авторской рефлексии на тему «общечеловеческих», национально-государственных, корпоративных и личных, а также секулярных и религиозных ценностей. Уровень «ценности» достижений автора научного труда эксперт может в этом случае связать с уровнем этой самой рефлексии.

Такой подход, вероятнее всего, хорошо покажет себя при экспертизе научных исследований в сфере философских проблем политики в прошлом и настоящем. В определенной мере он реализуем также применительно к экспертизе исследований по истории и современному состоянию политической мысли. То есть везде, где у исследователя есть потребность и возможность от изложения фактов сразу перейти к теоретическим обобщениям мировоззренческого или хотя бы методологического уровня. Но не у всех политологов (и не только политологов) и далеко не всегда есть потребность и возможность в изучении какого-либо конкретного предмета подниматься до высот философской науки. Многие исследования политологов, особенно начинающих, имеют преимущественно прикладной характер, направлены на решение важных, но текущих задач изучения политического процесса и управления им.

Если эксперт ищет в научном тексте не следы присутствия социальных и индивидуальных ценностей, то, возможно, ему нужно быть «ближе к жизни»? То есть и искать в тексте то, что представляет собой не философскую, а экономическую ценность. Проще говоря, то, что может в современных условиях рынка (участниками которого сегодня являются и научная корпорация, и отдельные творческие коллективы, и отдельные ученые-бизнесмены) обладать товарной стоимостью, а эта стоимость может быть тем или иным способом (посредством системы грантов, например) приведена в соответствие к действующей шкале «свободных» рыночных цен на научную продукцию. Либо она может быть приведена к тем ценам на научную продукцию, которые устанавливают, исходя из своих интересов и воз-

можностей, такие агенты этого рынка, какими сегодня являются различные грантодатели.

В любом случае такой экспертный подход подразумевает отождествление «ценности» научного труда с «ценой» его результатов и сразу ставит вне конкуренции авторов исследований, выполненных на средства от предоставления грантов. Эти исследования фактически уже кем-то куплены для дальнейших инвестиций в научную или какую-то другую сферу. «Ценность» таких научных проектов, т. е. соответствие их качества запрашиваемым авторами проектов средств для их реализации, эксперт определяет в соответствии с методикой, утвержденной грантодателем. И «ценность» эта имеет конкретное выражение в денежных единицах.

В этом случае, наоборот, в очевидном выигрыше оказываются авторы прикладных исследований, в том числе прикладных исследований по гуманитарным направлениям. Товарное, т. е. «ценное» свойство гуманитарного исследования может быть воплощено, например, в различных научных методиках, управленческих и аналитических технологиях, моделях процессов и т. д. – в том, экономическую отдачу от внедрения чего в практику относительно несложно рассчитать.

Авторов научно-квалификационных работ, кандидатских и докторских диссертаций данный подход к «оцениванию» их исследовательских усилий ставит в заведомо невыгодное положение. Это относится даже к тем диссертациям, которые посвящены решению совершенно конкретных прикладных задач. В документах ВАК РФ сегодня нет требований, обязывающих диссертанта заведомо придавать тексту своей научной работы и ее результатам вид, пригодный для продажи и купли, даже просто для непосредственного внедрения в практику. Многие исследования прикладной направленности решают специфические методологические, организационные и методические задачи самой науки и изначально не предназначены быть выставленными на продажу и вообще быть востребованными за границами научного сообщества.

Трудность экспертизы как теоретических, так и прикладных политических исследований будет в рассматриваемом случае заключаться еще и в том, что исследования эти часто имеют прогностическую направленность. Определить экономическую «ценность» прогноза, особенно в денежном эквиваленте, достаточно сложно. Понятно, что в организации жизни современных людей большую роль играет их стремление представить себе будущие проблемы и возможности этой жизни. Но эту потребность в представлениях современных людей о своем будущем разные прогнозы удовлетворяют очень по-разному. Одни прогнозы посвящены ожидаемым выгодам и потерям в различных социальных практиках, политических в том числе. Здесь эксперту не так

просто, но, в принципе, возможно в работе с текстом научного исследования выйти на экономические инструменты и аргументы, подтверждающие «ценность» творческих усилий автора этого текста.

Но как быть, если прогноз касается нематериальной сферы человеческих отношений, а именно будущего политических идеологий, социальных мифов, гражданского участия в общественной и государственной жизни? Такой прогноз не решает конкретно никакую практическую задачу в сфере экономики, культуры и политики. Он создает в сознании людей, с ним познакомившихся, определенный настрой на решение практических задач либо на то, чтобы этим решением пренебречь. Сегодня у науки есть возможность выявить и даже измерить этот настрой социологическими инструментами. Что же касается способов измерения «ценности» таких прогнозов средствами экономической науки, то это возможно не сейчас, не когда прогноз опубликован и эксперт с ним работает, а тогда, когда обнаружатся последствия влияния этого прогноза на практическую активность людей и последствия эти можно будет выразить в экономических показателях.

Примером могут послужить исследования prognostической направленности по проблематике «глобального потепления». Какова «ценность» этих научных прогнозов и по какой шкале ее определять? Если по количеству материальных и нематериальных средств, направленных на изучение изменений климата Земли, то научные усилия сторонников идеи «глобального потепления» поистине «бесценны». Если же судить по тем проблемам в реальном секторе экономики развитых и особенно развивающихся стран, которые возникают по результатам борьбы ученых и активистов различных экологических исследований с «глобальным потеплением», то «ценность» таких исследований выглядит специфически. Они «ценны», прежде всего, в качестве инструмента конкурентной борьбы между транснациональными корпорациями.

Не случайно, вероятно, довольно часто в современном публичном дискурсе экологических организаций и активистов (особенно действующих на международном уровне) их деятельность именуется борьбой за некие трансцендентные «интересы природы». Тогда как реально речь идет о конкретных экономических и политических интересах конкретных элит, гражданских обществ либо научных и бизнес-структур к тому, чтобы их деятельность в массовом сознании современников ассоциировалась с «пользой» для природы, а деятельность конкурентов – с «вредом» для нее.

Нанесли ли научные исследования больше экономического вреда или пользы развитию социальных систем в современном мире, или же результат усилий ученых отстоять «интересы

природы» в экономическом плане вообще стремится к нулю? Достоверно судить об этом можно будет, вероятно, только по прошествии какого-то времени.

Потенциально возможен и третий вариант понимания экспертом того, что есть «ценность», и соответствующей стратегии поиска следов этой «ценности» в научном тексте. Эксперт может настроить автора рецензируемого научного исследования и себя на то, что основной задачей их сотрудничества является обнаружение в конкретном научном тексте всего того, что подпадает под определение «культурные ценности». Основы законодательства Российской Федерации о культуре определяют «культурные ценности» как «... нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты»¹.

Определение трактует понятие «культурные ценности» предельно расширительно, что оправдано потребностью государственных структур иметь пространство для маневра в управлении сферой культуры. Что касается технологии научной экспертизы, то с позиции этого определения свидетельством присутствия в конкретном научном тексте «культурной ценности» может быть все, что угодно: от хорошего литературного языка, которым написан текст, до специфических методологических установок автора и тех традиций его науки, приверженность которым он демонстрирует. «Ценностью» в этом случае будет обладать любой научный труд (независимо от его формата, теоретической или прикладной направленности) уже потому, что в нем отражена общая и профессиональная культурная ориентированность его автора.

Возможны, наверное, и какие-то другие варианты для эксперта и автора договориться насчет того, как именно понимать «ценность» и по каким признакам искать ее присутствие в научном тексте. Те варианты, которые были рассмотрены выше, убеждают в одном. Даже если автору научного исследования и эксперту, при известных творческих усилиях с обеих сторон, удастся договориться между собой о содержании понятия «ценность» и о том, что именно в содержании научного текста они будут определять этим понятием, это никак не гарантирует им самого важного результата – того, что их договоренность получит признание в научно-исследовательском и экспертном сообществах; что она не вызовет возражений специалистов по поводу разумности и корректности наделения понятия

«ценность» именно этим, а не иным смыслом. И сколько будет критиков, столько, вероятно, будет предложено альтернативных решений. Само по себе наличие альтернативных предложений не плохо, но применительно к рассматриваемой ситуации они будут выражением сомнений специалистов относительно профессиональной компетентности автора и эксперта.

Проблема стратегии экспертизы качества политического исследования

Большинство специалистов, занимающихся экспертизой качества политических исследований в нашей стране, вполне осознают свою ответственность за те замечания и рекомендации, которые они адресуют авторам рецензируемых текстов. Особенно тогда, когда речь идет об экспертизе научно-квалификационных работ начинающих политологов, исследовательские инициативы которых будут определять лицо отечественной политической науки в обозримой перспективе. Добросовестного эксперта осознавание своей ответственности будет подталкивать к тому, чтобы сделать свои суждения о качестве трудов своих коллег максимально полными, точными и объективными. Контролировать себя и быть уверенным в собственной непредвзятости эксперту значительно легче, когда он реализует определенную стратегию экспертной работы. Иначе говоря, когда эксперт, высказывая претензии в адрес научного текста, четко представляет себе смысл и реализуемость своих требований к его автору. Когда он понимает, применение каких именно критериев, в каком количестве и порядке позволяет ему максимально точно выявить достоинства и недостатки в творческой работе автора политического исследования.

С одной стороны, сегодня потребность в большей, чем прежде, четкости понимания экспертом стратегии своей работы очевидна. Государственные и общественные структуры, в рамках законодательства или по своей инициативе контролируемые научный процесс, предъявляют все более высокие требования к качеству результатов работы российских ученых и качеству экспертизы этих результатов. Это сегодня в России проблема не одной политологии, а, пожалуй, всех гуманитарных, а также точных и естественных наук².

С другой стороны, сегодня нет ясности с тем, каким именно путем можно добиться большей работоспособности критериев оценки качества научных текстов. Лучше это сделать путем уточнения смысла и порядка применения уже ранее известных критериев или же путем введения в научный оборот неких новых критериев? Таких, которые дополнили бы существующие критерии, а, возможно, могли бы в дальнейшем и заменить их, сделать тем самым экспертную процедуру

более простой и надежной. Сегодня особенно активно специалистами обсуждается возможность реализации второго варианта повышения качества экспертизы – в первую очередь, за счет дополнения общепринятых критериев актуальности, новизны, корректности методологии и т. д. критерием «ценность научного исследования».

У такого выбора нового критерия есть своя логика. Тот ряд критериев, которыми по традиции пользуются отечественные исследователи и эксперты, хорошо зарекомендовал себя на практике. На его основе за минувшее столетие сложилась устойчивая, понятная и неплохо работающая технология научной экспертизы. Однако именно технологичность этой процедуры естественным образом подводит специалистов к мысли, что следующий шаг в направлении ее совершенствования и преодоления нынешних недостатков может и должен быть сделан. Как вариант – найти такой фундаментальный критерий и такое максимально общее понятие для его обозначения, использование которых в экспертизе позволяло бы специалисту, ее осуществляющему, сделать суждения о качестве научных текстов своих коллег еще более полными, точными и неоспоримыми, чем при использовании традиционного набора критериев.

Одна из проблем с использованием нынешней технологии экспертизы заключается в том, что нигде и никак функциональность отдельных критериев (их способность влиять на конечный результат экспертизы) официально не закреплена. Официально, если руководствоваться рекомендациями ВАК РФ по проведению экспертизы диссертаций, все критерии от «актуальности» до «апробации результатов исследования» равнозначны. В то же время вполне естественно, что при экспертизе научных текстов любой добросовестный эксперт помимо официальных требований к своей работе руководствуется еще и собственным видением того, что в рецензируемом тексте важно больше, а что меньше.

Личный опыт исследовательской работы эксперта препятствует ему относиться ко всем критериям одинаково. Одному специалисту его научный опыт подсказывает, что для итогового вывода о качестве рецензируемого научного текста то, как его автор сформулировал «актуальность» и «новизну», важнее, чем то, как он, допустим, презентовал «методологию» своей работы с научной литературой и первоисточниками. Тем более что тезис о кризисном состоянии методологии отечественных политических исследований, о неопределенности преимуществ количественных и качественных методов при изучении реалий российской и мировой политики сегодня довольно часто звучит в публикациях известных отечественных теоретиков³.

Разумно ли, решит в этом случае добросовестный эксперт, предъявлять претензию коллеге, особенно аспиранту, пишущему диссертацию

цию, насчет несовершенства его методологии, когда даже опытные специалисты-методологи не всегда могут согласовать свои позиции по тому или иному вопросу политической теории и исследовательской практики?

Понятно, что в такой ситуации эксперт (именно в силу своей научной добросовестности) не станет акцентировать внимание на многих очевидных теоретических несуразностях. Например, на том обстоятельстве, что очень часто сегодня отечественные политологи считают вполне для себя естественным в диссертациях и публикациях презентовать читателю мысли и высказывания Аристотеля и Платона о полисном государстве и рабовладельческой демократии (без всякой, заметим, критики и поправок на историческое время) в качестве необходимого и, более того, вполне достаточного теоретического основания для изучения демократических процессов в XXI в. В особенности для понимания места в этих процессах и сущности современных правового государства и гражданского общества.

Он, вероятно, с пониманием отнесется к тому, что не менее часто авторы политических исследований (особенно если это диссертации) сводят обязательную характеристику методологии своей творческой работы к простому перечислению известных им методов политического исследования – без необходимого разъяснения того, в чем они видят практический смысл применения именно этих методов для решения своих конкретных научных задач. Все это добросовестный эксперт, скорее всего, отнесет на счет российской политологии, а не конкретного рецензируемого исследования.

Другое дело – четкость и полнота формулировок «актуальности» и «новизны» работы, предпринятой исследователем. Тут состояние науки никак не ограничивает возможностей автора научного текста быть максимально внятным в изложении своих исходных позиций. И эксперт в этом случае имеет полное моральное право предъявить к автору максимально строгие требования, даже более строгие, чем к разделу «Методология исследования».

Другого специалиста, когда он возьмет в руки тот же самый научный текст, его собственный исследовательский опыт будет подталкивать к тому, чтобы выше всех прочих требований к качеству политологического текста ставить требование «новизны» результатов, лично полученных его автором. Борьба с плагиатом в трудах ученых, которая сегодня развернулась в России, такое предпочтение эксперта вполне будет оправдывать.

Либо (когда речь, например, идет о диссертации) определяющим для эксперта будет то, как автор сформулировал ее научные цель и задачи. И с таким выбором тоже будет трудно поспорить. Потому что нередки случаи, когда диссертанты-политологи, например, формулируют

цель и задачи своей научной работы так, что эти формулировки не согласуются ни с паспортом специальности, по которой в дальнейшем запланирована защита, ни вообще с объективными и предметными полями современной политической науки. Когда эксперт сталкивается с такими некорректными формулировками, то, понятно, для него уже все прочие достоинства и недостатки рецензируемого текста становятся не существенными с точки зрения конечного результата экспертизы.

У технологии экспертизы, основанной на применении разнообразных критериев, есть и другой недостаток. Причем он распространяется на все продукты научного творчества, подлежащие экспертизе. Как только политолог или другой гуманитарий начинают придумывать «научные», на их взгляд, формулировки «теоретической и практической значимости», «новизны» и «достоверности» для своих, например, текстов диссертаций, то они невольно вступают в пространство действия современного неформального «стандарта научности». Они вынуждены приспособляться к этому стандарту. А при невозможности приспособиться просто имитировать этот «стандарт», т. е. разными способами делать свои тексты похожими, по внешним признакам, на тексты математиков, физиков или химиков.

«Стандарт» этот породили успехи точных и естественных наук в XIX и XX вв. И он, по сути, как был в прошлые два столетия, так и сегодня остался стандартом позитивистским. Этот «стандарт», соответственно, предполагает доминирование в работе исследователя количественных методов над качественными. Он требует также, чтобы у истинно научного исследования имелась экспериментальная база. Чтобы эта экспериментальная база обеспечивала верифицируемость результатов, полученных ученым. Нынешние общепринятые критерии научного качества процедуры и текста гуманитарного исследования по смыслу и «правильным» формулировкам прямо привязаны к этому неформальному «стандарту». Сегодня существует, например, утвержденный решением ВАК РФ образец, можно даже сказать, шаблон для написания заключения диссертационного совета по итогам защиты в нем диссертации⁴. В этом документе выделены те квалификационные требования и сформулированы они так, чтобы максимально обеспечить интересы результативной экспертизы диссертаций по точным и естественным наукам. Для диссертаций гуманитариев шаблон предусматривает поправки, например, в части требований к диссовету высказаться о результатах лабораторных экспериментов диссертанта и открытии им новых природных процессов и явлений, создания новых научных теорий. По всем прочим позициям требования этого документа к гуманитариям те же, что к математикам, физикам и химикам. Точно так же требуется, к примеру, характеристика

гипотезы гуманитарного исследования. При том что без эксперимента гипотеза не имеет смысла как таковая.

Соответствовать этому стандарту гуманитарное исследование, в принципе, может, но лишь в ограниченном числе случаев и не по всем своим позициям. Экспериментирование исследователя, например, с социально-политическими институтами и процессами, по определению, исключено. Он не может поместить общество и элиты, с их нынешней высокой активностью политических мыслей и действий, в колбу или под микроскоп, чтобы в стерильных лабораторных условиях наблюдать за ними, ставить и многократно повторять эксперименты над ними и на этой основе создавать законченные и верифицируемые модели и концепции разнообразных политических процессов. Чуть больше простора у политологов для экспериментирования с политическими технологиями. Но и в этом случае политологи обычно сталкиваются с неverified результатами применения таких технологий в практической политике.

В большинстве же случаев попытки политологов-исследователей максимально соответствовать этому точно- и естественнонаучному «стандарту» (если не по сути, то по форме изложения своих мыслей и результатов работы) ведут к появлению в диссертациях и публикациях его имитаций⁵. В частности, в виде наукообразных формулировок «новизны», «гипотезы», в виде переименования «источниковой базы» гуманитарного исследования в «эмпирическую базу» (что в диссертациях политологов в последние годы приобрело характер эпидемии) и т. д. И это не вопрос недобросовестности специалистов или узости взглядов чиновников. Достижения современных исследователей в разных областях научного знания очень разнообразны, а когда речь идет о подтверждении этих достижений документами единого государственного образца, то понятно, что достижения эти надо как-то между собой соотносить. Замещение нескольких критериев качества научного труда политолога одним мега-критерием многое в этом плане решает, создает почву для компромисса научных и бюрократических требований к технологии научной экспертизы.

С упомянутыми трудностями, а также многими другими добросовестные эксперты-политологи сегодня справляются каждый на свой лад. И этим порой навлекают на себя обвинения в недобросовестности и профессиональной некомпетентности со стороны активистов-общественников, борющихся за чистоту рядов российской науки и добросовестность научной экспертизы с позиции представления, что все проблемы технологии научной экспертизы в нашей стране давно и вполне удовлетворительно решены.

Окончание следует.

Примечания

- 1 Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 18.07.2019). Ст. 3. Основные понятия. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/068694c3b5a06683b5e5a2d480bb399b9a7e3dcc/ (дата обращения: 12.09.2019).
- 2 См.: Щёголева Л. В., Пахомов С. И., Гуртов В. А. Обобщённый портрет академического диссертационного совета // Вестн. РАН. 2015. Т. 85, № 3. С. 15–20. DOI: 10.7868/S0869587315030147
- 3 См.: Тетерин А. Е. Применение качественных методов в политологическом исследовании (на примере критического дискурс-анализа Н. Фэркло) // Полис. 2011. № 5. С. 145–150; Гаман-Голутвина О. В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. 2019. № 5. С. 19–42. DOI: 10.17976/jpps/2019.05.03
- 4 См.: Приложение 4 к «Положению о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 10 ноября 2017 г. № 1093. Рекомендательный образец. URL: <https://base.garant.ru/71825906/d8b01b57742d3a84cbe3048d71fc60a9/> (дата обращения: 24.10.2019).
- 5 См., например: Заключение диссертационного совета по защищенной диссертации на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук: учеб.-метод. пособие для аспирантов и соискателей / С. Д. Резник, О. А. Сазыкина. Пенза: ПГУАС, 2014.

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. «Ценность» как требование к качеству современного политического исследования (Часть первая) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 52–58. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-52-58>

Cite this article as:

Shestov N. I. «Value» as a Prerequisite for the Quality of Modern Political Research (Part One). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2020, vol. 20, iss. 1, pp. 52–58 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-52-58>
